

ФРАНЦУЗСКИЕ ТЕКСТЫ О РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИМАГОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В.В.Орехов

Русский культурный центр, г.Симферополь

Статья посвящена актуальным вопросам имагологии. Рассматривается проблема восприятия российской действительности французской литературой первой половины XIX в. Намечаются возможные направления дальнейших имагологических изысканий.

Ключевые слова: имагология, литературная рецепция, миф, текст, инациональная культура.

Стаття присвячена актуальним питанням імагології. Розглядається проблема відображення російської дійсності у французькій літературі першої половини XIX ст. Виділяються можливі напрямки подальших імагологічних досліджень.

Ключеві слова: імагологія, літературна рецепція, міф, текст, інаціональна культура.

The article is devoted to the actual questions of the imagology. It gives the insight into the problem of the reflection of Russian reality in French literature of the 1st half of XIX century. The possible directions of the further imagological studies are given.

Key words: imagology, literary reception, myth, text, foreign-national culture.

В современной компаративистике все большее развитие получает направление, которое занимается изучением литературных образов, или имиджей, инациональных государств и народов и называется имагологией. В европейском литературоведении ключевые труды по имагологии начали появляться с середины XX в. Поскольку в СССР специальных исследований по имагологии не публиковалось, может создаться впечатление, что в отечественной компаративистике разработок такого рода вовсе не существовало.

Однако живой интерес российской публики к изображению России в зарубежной литературе и публицистике отчетливо заметен с конца XVIII – начала XIX в. В российской прессе регулярно комментировались иностранные издания о России. Известный книгопродавец Калистратов нашел выгодным открыть серию изданий «Библиотека иностранных писателей о России». Многие российские литераторы и публицисты выступали во французской печати, пропагандируя российскую историю и культуру и тем самым формируя образ России в сознании французской публики. Известно, например, плодотворное сотрудничество П.А.Вяземского, Я.Н.Толстого, С.Д.Полторацкого и др. с журналом «Revue Encyclopédique» (1819 – 1833), где для известий о России был отведен целый отдел. Российское правительство отправляло в Европу специальных агентов, призванных защищать имидж России в зарубежной прессе (Я.Толстой, Э.Мещерский).

В то же время российские библиотеки стремились собрать и систематизировать отечественные и зарубежные издания записок иностранцев о России. Пожалуй, наиболее полным собранием разноязычной «россики» (которое сохранилось и приумножилось в наши дни) в XIX в. обладала Императорская публичная библиотека в С.-Петербурге. К 1855 г. в ней были сформированы «алфавитные каталоги иноязычных сочинений о России, коллекция которых в библиотеке, – сообщал «Современник», – очень богата» [3, с. 6]. В дальнейшем

именно эта коллекция давала возможность отечественным и зарубежным ученым (Б.Л.Модзалевскому, Е.В.Тарле, М.Кадо и мн. др.) изучать общественное и литературное мнение Запада о России.

Значительным собранием иностранных свидетельств о России эпохи Крымской войны обладал в XIX в. Севастополь. Один из французских авторов по этому поводу отмечал, что «в Севастопольском музее существует знаменитое собрание <...>, где объединены все монографии об осаде, начиная с корреспонденции генералов и реликвий Корнилова и Нахимова, вплоть до неискушенных заметок лиц второстепенных и простых солдат» и сожалел, что подобной «Золотой книгой» не располагает Франция [2, р. I]. Ныне меньшая часть иноязычных изданий из этой коллекции хранится в библиотеке Музея героической обороны и освобождения Севастополя, а большая – в Морской библиотеке г. Севастополя.

Трудно определить грань, которая отделяла во многом любительские имагологические изыскания и коллекционирование отдельных фактов иностранной рецепции России от строго научного подхода к восприятию России за рубежом. Но в XX в. почти любое исследование контактов с инациональной культурой подразумевало частичную реконструкцию образа России в зарубежной литературе. Без этого совершенно не может обойтись изучение личных контактов того или иного автора с инациональной литературой, литераторами, общественными деятелями (см. труды А.К.Виноградова, М.П.Алексеева, Т.В.Мюллер-Кочетковой и др.).

Первым среди советских ученых выступил с теоретическим обоснованием необходимости имагологических исследований Б.Г.Реизов. «Важным фактором в истории международных литературных связей, – констатировал ученый в 1966 г., – является образ страны, сотворенный воображением историков, критиков, философов, – читателей разных вкусов и интересов. <...> Тесно связан с ним <...> образ народа, национальный тип, созданный в зависимости от исторических обстоятельств, от международных отношений и т.д. Возникновение или эволюция этих национальных типов, какими они существуют в воображении других народов или в своем собственном, до сих пор не исследованы, хотя отлично известны всем европейским литературам» [6, с. 299 – 300].

К концу XX в. в советском литературоведении линия имагологических исследований стала более ощутимой. Украинский компаративист Д.С.Наливайко в монографии «Спільність і своєрідність. Українська література в контексті європейського літературного процесу» (1988) реконструирует образа Украины по зарубежным источникам и теоретически осмысляет актуальность исследований подобного рода. В дальнейшем Д.С.Наливайко посвятил изучению восприятия иностранцами украинской действительности две специальные монографии: «Казацька християнська республіка» (1992) и «Очима Заходу. Рецепція України в Західній Європі XI – XVIII ст.» (1998).

К сожалению, в российском литературоведении исследования подобного плана практически отсутствуют, хотя российскими учеными прежних эпох подготовлена значительная фактографическая и методическая база для их создания. Как ни странно, реконструкцией литературного образа России очень серьезно занялись не отечественные, а французские исследователи. Наиболее известное исследование – книга Мишеля Кадо «La Russie dans la vie intellectuelle française (1839 – 1856)» [«Россия в интеллектуальной жизни Франции»]. Книга

вышла в 1967 г., в том же году М.Кадо защитил в Сорбонне докторскую диссертацию «Образ России во французской интеллектуальной жизни». Благодаря тому, что книга охватывает промежуток всего в пятнадцать лет, автору удалось с поразительной полнотой реконструировать образ России, который дробится на бесконечное число составных элементов, и читатель последовательно знакомится с представлениями французов о русских аристократах и революционерах, живших в Париже, о российском государственном устройстве, о культуре, истории, религии, армии России. В главе «La Terre russe» [«Русская земля»] даже прослеживается, как французы представляли себе отдельные территории: Крым, Кавказ, Сибирь и т.д.

Однако установленные М.Кадо хронологические рамки не позволяют пронаблюдать, как менялось отношение французов к России с течением времени, не позволяют вписать образ России в общеисторический контекст.

Конечно, следует отдавать отчет, что невозможно объединить принцип охвата больших временных промежутков и подробное изучение образа страны в рамках одного научного исследования. Вообще же оба подхода вовсе не исключают друг друга, а взаимодополняют и служат гарантом целостности научных представлений о предмете.

К концу XX в. имагология прошла этап, который мы характеризовали бы как этап накопления, систематизации и обобщения фактических данных. Несомненно, что даже такую исчерпывающую работу, как монография М.Кадо, можно бесконечно дополнять новыми подробностями. Мы, пожалуй, смогли бы восстановить оригинальный образ России, каким он существовал в сознании любого крупного французского литератора этого периода. Но это не было бы принципиально новым подходом к проблеме, работа сводилась бы к очередному этапу уточнений, систематизаций и обобщений.

Попробуем наметить основные векторы будущих имагологических исследований.

На наш взгляд, первоочередной задачей является изучение эволюции образов инонациональных государств в пределах значительных хронологических полей. Только при этом условии удастся выяснить объективную обусловленность этих образов (политическую, социальную и проч.) и отграничить ее от стереотипной и архетипической субстанции, которая не поддается сиюминутным изменениям и влияниям. Кроме того, в сферу научного анализа должны попасть самые разные объекты и субъекты инонациональной рецепции, отношения между которыми всегда специфичны, что неизбежно должно сказаться на особенностях самой рецепции.

Важно, чтобы в круг имагологического анализа попал весь калейдоскоп текстов. Некоторые ученые скептически относятся к вовлечению в имагологический анализ, например, текстов на исторические темы. Мы же считаем, что представления об истории государства имеют самое непосредственное влияние на восприятие этого государства в современности. Пример: в 1831 г. в Париже была опубликована трехактная комедия Ансло «Le favori, ou la cour de Catherine II» [«Фаворит, или Двор Екатерины II»]. Вот сцена разговора Потемкина со своим «рабом»:

Потемкин: Парижский танцовщик и крымский виноград уже прибыли?

Раб: Сегодня утром. Курьер из Крыма так старался поспеть к сему дню, что умер от усталости.

Потемкин: Сколько он загнал моих лошадей?

Раб: Ни одной.

Потемкин: Прекрасно! Я что-нибудь сделаю для него!

Раб: Но, ваше превосходительство, он умер.

Потемкин: Ах! Действительно... Я об этом совсем не подумал![1, р.31]

Эта сцена характеризует представления французов о России, с ее придворной роскошью и небрежением к жизни «крепостных рабов», ничуть не меньше, чем прямые высказывания Астольфа де Кюстина о российском деспотизме. Сама ситуация абсолютно типична не только для французских произведений о российской истории, но и для описаний французскими авторами российской действительности первой половины XIX в.

Еще один пример: В Париже накануне Крымской войны давалась драма, в которой Петр Великий является в чалме с пером и в бархатном халате с галунами. Бессмертный преобразователь России, всегда отличавшийся строгой простотой своего платья, на парижской сцене обращался к своему любимцу Меньшикову и жаловал его не только в князья, но даже в Долгорукие...[4, с. 65] И что же? Французская публика не протестовала.

Важно помнить, что образ иногo государства это достояние не только художественной литературы, а, в первую очередь, достояние массового сознания, которое реализуется в творчестве отдельных авторов. Поэтому необходимо обращаться не только к беллетристике, но и к научным (историческим, географическим, этнографическим) текстам, к публицистике, к политическим речам и декларациям, к так называемым произведениям факта.

При этом следует использовать самые разные научные методики. Некоторые из них нами апробированы при анализе образа России во французской литературе первой половины XIX в. [5], и показали свою продуктивность. Так, посредством метода историко-литературной реконструкции восстанавливались основные черты обобщенного образа России во французской литературе заявленного периода. Материалом для реконструкций послужили развернутые рассуждения, описательные повествования и даже краткие, отрывочные упоминания о России, выявленные путем фронтального изучения творчества Стендаля и П.Мериме и целенаправленного поиска в творческом наследии Ж. де Сталь, В.Гюго, О.Бальзака, А.Дюма, П.-Ж.Беранже и порядка тридцати авторов «второго» плана.

Метод историко-литературного анализа позволил выявить зависимость литературного воплощения рецепции России от актуальных исторических событий.

Метод сравнительного анализа позволил выстроить типологические ряды из однородных элементов образа России. Вычленили объединяющее их семантическое и содержательное ядро, сохраняющее стабильность во всех вариантах их переосмысления.

Посредством метода мифопоэтического анализа удалось установить архетипическую основу некоторых традиционных образов, характерных для повествований о России. Например, принадлежность образа российского царя к архетипу главы этноса. Образ России совершенно мифологичен, он соткан из множества мифологем, стереотипов и клише и является частью не индивидуальной авторской, а общественной идеологии. Любая политическая

напряженность между Францией и Россией провоцировала реактуализацию «русского мифа» в его негативной ипостаси.

Чрезвычайно интересным и абсолютно неизученным является вопрос о влиянии французского представления (или мифа) о России на русскую литературу. Здесь имеются в виду не столько частные (хотя и довольно многочисленные) публицистические «перепалки» между русскими и французскими авторами, сколько перманентное и порою неосознанное стремление отечественных литераторов изображать российские реалии в расчете на восприятие французского читателя. Русские писатели, сознавая неадекватность французских представлений о России, создают альтернативную картину России, понятную не только для отечественной, но и для французской публики. На наш взгляд, это стремление вывести описания русского национального колорита на уровень межнациональной рецепции в какой-то мере определило своеобразие русской литературы. Это же стремление, кстати, легко угадывается в современном российском кинематографе. Наиболее актуальный и яркий пример – «Сибирский цирюльник» Н. Михалкова. Известно, что режиссер во многом ориентировался на западную аудиторию. При этом зарубежный зритель, привлеченный экзотичностью и красочностью картин, неизбежно должен воспринять видение российской истории, присущее не зарубежному, а российскому автору.

Очевидно, что в русской литературе существовал миф о Франции, так же, как во французской миф о России. Но любопытно, что русский миф о Франции вовсе не имел ни на французскую литературу, ни на французское общественное мнение того влияния, какое оказал на нашу культуру образ России, созданный французами. Французских авторов будто вовсе не интересовало, как представляют себе Францию русские читатели. Отчасти это объясняется предвзятым мнением европейцев о культурной отсталости России, но – лишь отчасти. Думается, для научного разрешения этого вопроса необходимы регулярные исследования.

Сколько мы можем судить, одним из слабых мест изучения инонациональной рецепции остается лингвистический анализ. Между тем, не исследовав межъязыковые связи, мы не можем в полной мере представить себе и межлитературные связи, процессы инонациональной рецепции. Своеобразие образа иного государства, несомненно, отражается в языке.

Несколько примеров навскидку: французы именовали наших крепостных крестьян не иначе, как рабами (*les esclaves*), поскольку понятия «крепостной» во Франции не существовало. Поэтому француз, не бывавший в России, представлял себе русских крестьян именно рабами, мало чем отличающимися от античных рабов или рабов-негров.

После войны 1812 г. и вступления русских войск в Париж, французы всех русских именовали казаками. Но последующие поколения французов именовали русских казаками уже без всякой связи с историческими реалиями, по традиции. Слово «казак» стало как бы синонимом слова «русский», но все же сохранило оттенок опасной экзотики. В сознании французов многие десятилетия казаки оставались потенциальным врагом.

Во французский язык вошло множество слов русского происхождения: царь, купец, оброк, чин, указ и множество других слов, не имеющих точного

французского эквивалента. Функционирование этого «русского языкового фонда» в литературе и публицистике Франции почти не изучено.

И мы так и не реконструируем целостный образ России во французской или какой-либо другой литературе, пока не исследуем, при помощи каких языковых средств и приемов этот образ создавался французскими, английскими, немецкими и многими другими авторами.

Литература:

1. Ancelot J. *Le favori, ou la cour de Catherine II.* – P., 1831. – 72 p.
2. Loizillon H. *Campagne de Crimée. Lettres écrites de Crimée par le capitaine d'état-major Henri Loizillon a sa famille.* – Paris, 1895.
3. Новые книги. Апрель 1855 (б. п.) // *Современник.* – 1855. – Т. LI. – С. 1 – 22.
4. Новые книги. Май 1855 (б. п.) // *Современник.* – 1855. – Т. LI. – С. 24 – 66.
5. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Дисс. ... к.ф.н. – Киев, 2001. – 222 с.
6. Реизов Б.Г. Сравнительное изучение литературы // Реизов Б.Г. *История и теория литературы.* – Л.: «Наука», 1986. – С. 276 – 310.